

СИМВОЛЫ. ЦЕННОСТИ. ИДЕАЛЫ

© 2019 Н.С. РОЗОВ

ПРИНЦИП ЗАЩИТЫ ЧЕЛОВЕКА (АНТРОПРОСТАСИЯ) И АКТУАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ



Розов Николай Сергеевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии и права Сибирского отделения РАН. Российская Федерация, 630090 Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.
Электронная почта: nrozov@gmail.com

Аннотация. Развернут принцип антропростасии (защиты человека), запрещающий нарушать общезначимые ценности (базовые права и свободы индивида) и предписывающий заботиться об условиях полноценной (свободной, достойной и осмысленной) жизни для каждого. Определено место антропростасии как этической позиции среди наиболее значимых типов этических теорий и подходов. Принцип антропростасии опробован на нескольких актуальных моральных дилеммах. Каждая из таких дилемм имеет в своей основе некий ценностный конфликт, поскольку действия, преследующие одни ценности, наносят какой-то ущерб другим ценностям. В одних случаях было принято и обосновано общее решение, в других случаях проведена граница, в третьем типе случаев была признана правомерность локальных решений, основанных на апробации, опыте, демократических процедурах, наконец, в самых тяжелых случаях, когда любое решение приводит к чьей-то гибели, показано, что общей нормы быть не может, и при любом выборе человек будет нести связанную с ним ответственность.

Ключевые слова: антропростасия, защита человека, ценностный конфликт, общезначимые ценности, право на смерть, запрет аборт, «права эмбрионов».

Ссылка для цитирования: Розов Н.С. Принцип защиты человека (антропростасия) и актуальные ценностные конфликты // Человек. 2019. Т. 30, № 2. С. 176–190. DOI: 10.31857/S023620070003023-2

Н.С. Розов

Принцип защиты человека (антропростасия)

Неизбежность столкновения ценностей и подход антропростасии

Ценности постоянно вступают в конфликт между собой в том смысле, что во многих ситуациях решение, действие, выполненное в согласии с одной ценностью, непременно противоречит другой. Вообще говоря, этому не следует удивляться, если не верить в некую предустановленную гармонию:

- «Благими намерениями вымощена дорога в ад»;
- «Все полезное опасно, безопасно только бесполезное»;
- «Любая активность производит издержки, чем больше активность, тем больше эти издержки»;
- «Если все идет хорошо, значит, вы чего-то не заметили».

Все эти и подобные им серьезные и шуточные афоризмы указывают как раз на отсутствие «предустановленной гармонии» и всегдашнюю возможность ценностного конфликта.

В данной работе представлен подход к разрешению таких конфликтов на основе принципа антропростасии (защиты человека).

Ригоризм антропростасии означает, что ради каких-либо, в том числе «высших», ценностей нельзя нарушать минимальные общезначимые ценности, прежде всего кардинальные, включающие неотъемлемые права и свободы каждого индивида.

Концепция общезначимых, в том числе кардинальных и субкардинальных, ценностей развернута в книге «Ценности в проблемном мире» [3, с. 111–136]. Общезначимые ценности — это нормативные понятия, фиксирующие необходимые объективные условия того, чтобы каждый индивид имел внутренние возможности выбирать и внешние возможности осуществлять какие-либо свои интересы, цели, ориентиры и ценности. Общезначимо то, что принято взаимодействующими субъектами (индивидами или сообществами), способствует стабильности их отношений и обмена жизни, взаимоприемлемому развитию.

Общезначимые ценности включают кардинальные, как условия прямой защиты человека (жизнь, здоровье, возможность продолжать род, базовые гражданские права), и субкардинальные, как условия соблюдения кардинальных (общественный порядок, защищающий граждан, здоровая среда обитания и высокий уро-

здесь, с одной стороны, устанавливает жесткий запрет на публичное унижение достоинства, даже относительно явных нарушителей порядка, преступников, а с другой стороны, требует справедливого воздаяния — формального и неформального признания заслуг соразмерно их культурной значимости и общественной пользе.

● Самоуважение как чувство причастности к неким ценностям, идеалам, добродетелям, тесно связанным с полноценной жизнью.

Люди живут не только (а иногда и не столько) для достижения материального благополучия, счастья и признания окружением, но также для самых разных символов, святынь, абстракций, какими бы фантастическими они ни казались извне. Живут и умирают за веру, за выполнение священной воли предков, заветов отцов, собственных клятв, за освобождение рабочего класса, за гражданское равенство и демократию; стремятся к спасению бессмертной души, к просветлению, новому лучшему рождению, нирване, состоянию самадхи, остановке колеса сансары, прекращению страданий и т.п.

Антропростасия максимально терпима, толерантна к этому разнообразию идеалов, святынь и ценностей, высших жизненных целей, объединенных в некие духовные стратегии, лишь бы при стремлении к ним не нарушались общезначимые ценности. Хотя построение абсолютных ценностных иерархий представляется сомнительной затеей, все же с позиций антропростасии вовсе не обязательно относиться к разным духовным стратегиям с непременно уравнительностью.

Критерий предпочтения здесь тот же: действительно ли способствует духовная стратегия развитию свободной, достойной, осмысленной жизни участников этой стратегии и окружающих? Если ради достижения каких-либо духовных высот (в религиозной вере, медитации и т.п.) лишают свободы выбора, явно унижают достоинство, то антропростасия как защита человека уже обязана вступиться. Кроме того, сами «высшие ценности», отягощенные практиками унижения и лишения свободы, закономерно ставятся под сомнение и подлежат критике, вплоть до дискредитации.

Антропростасия в ряду этических теорий

Прежде всего, принцип антропростасии представляет собой вариант аксиологической концепции, поскольку базируется на ценностях.

Антропростасия является нормативной концепцией, не натуралистической и не редуccionистской (ни из каких естественных законов ценности не выводимы), объективистской (принципы антропростасии не зависят от субъективных предпочтений), неинтенциональной (поступки оцениваются не по намерениям, а по последствиям).

смертную казнь основан на признании права на жизнь каждого человека, фактах судебных ошибок, необходимости предотвращения риска казнить невиновного. На другую сторону весов явно или неявно положены: симметричный принцип талиона «око за око» (хоть не узаконенный, но бытующий в общественном сознании, а также отраженный в юридическом принципе соразмерности наказания преступлению), величина общественного возмущения и жажда возмездия.

Казнь преступника как легитимированное государственное убийство нарушает первейшую общезначимую и кардинальную ценность: право каждого человека на жизнь. Вообще говоря, оправданием убийств под эгидой государства может быть только сбережение других жизней («уничтожение» вооруженных бандитов, террористов, убивавших и грозящих новыми убийствами) или же защита условий, необходимых для жизни других людей («уничтожение живой силы» вооруженного агрессора). Схваченный и изолированный от общества преступник не представляет такой угрозы. Устрашение других возможных преступников является крайне зыбким основанием: потенциальных убийц и насильников не останавливает страх смертной казни. Тяжких преступлений не становится меньше там, где казнь узаконена. Вместо того чтобы воздерживаться от злодеяний, преступники с большей жестокостью уничтожают свидетелей.

Таким образом, даже для самых тяжких преступлений пожизненное заключение заменяет смертную казнь, к чему, собственно, и пришли во многих странах мира, в государствах Европейского союза и в России (хотя здесь призывы «вернуть смертную казнь» регулярно звучат).

Тюремное заключение нарушает другую кардинальную ценность — человеческую свободу. Нам привычно думать, что такое нарушение более допустимо, чем лишение жизни, но эта общая интуиция все же нуждается в обосновании. Простейшее заключается в лишении преступника возможности совершать другие преступления. Но если заключение не пожизненное, то такое обоснование оправдано лишь когда приложены все усилия к замене криминальных установок и способностей на нормальные — чтобы выпущенный на свободу преступник стал честно зарабатывать. Если этого не происходит (или хуже того, молодой правонарушитель в криминальной среде обретает установки и способности к следующим более тяжким преступлениям), то тюрьма оказывается не более чем мезью, а то и инкубатором рецидивистов, «площадкой передачи опыта».

Тюремное заключение (лишение свободы), вероятно, надолго останется главным типом правовых санкций за уголовные преступления, поскольку известные альтернативы (избиение, клеймение, вырывание ноздрей, отрезание уха, отрубание руки и проч.) закономерно отвергнуты в большинстве современных обществ как унижающие достоинство или неприемлемо жестокие. Но от-

Н.С. Розов

Принцип защиты человека (антропростасия)

няв у осужденного свободу, государство отнимает на срок заключения и ответственность за его личное развитие и дальнейшую судьбу. Ориентиром в воспитательной работе здесь, как ни странно, выступает все тот же принцип антропростасии: обеспечение внешних и внутренних условий для того, чтобы жизнь человека после тюрьмы стала свободной, достойной и осмысленной.

Право на самоубийство

Возможно ли для относительно здорового человека, решившегося на суицид, доказать, что все его жизненные шансы исчерпаны? Что он никогда не передумает? Никогда не испытает какую-либо радость, не пожелает послушать музыку, посмотреть фильм, почитать книгу? Насладиться свежим утром, красочным закатом, ясным звездным небом? Никогда не решит как-то свою жизнь изменить, чем-то новым заняться? Никогда не захочет с кем-то побеседовать и получить от беседы удовольствие?

Редко, когда в философии что-то можно утверждать наверняка, но здесь тот самый случай: доказать отсутствие указанных возможностей для любого относительно здорового человека в принципе невозможно. Отсюда следует, что при отказе от обоих сталкивающихся формальных абсолютов «жизни как безусловного блага» и «непререкаемости личной свободы» мы получаем вполне надежный вывод: поскольку нельзя доказать, что жизнь относительно здорового потенциального самоубийцы в будущем будет лишена какой-либо витальной ценности, то эвтаназия, равно как и самоубийство, морально запрещены, недопустимы. Это значит, что наша интуиция правомерна: необходимо по мере возможностей предупреждать суицид, спасать при попытке суицида, даже против воли человека.

Данное рассуждение привело меня к пересмотру прежней трактовки разного отношения к самоубийству в раннем и глубоко старческом возрасте. Вспомним недавний случай. 10 мая 2018 года ученый из Австралии Дэвид Гудолл в возрасте 104 лет ушел из жизни с помощью процедуры эвтаназии в швейцарской клинике, тем самым исполнив свое заветное желание, причем на дорогую процедуру собрал деньги краудфандингом. Мое отношение первоначально было примерно таким: «ну ладно, уж в таком почтенном возрасте чего ждать еще; человек пожил, все испытал, имеет заветное желание, имеет право его исполнить, тем более, что родственники не против, поддерживают его». При этом, конечно же, я всегда был за то, чтобы взрослых и полных сил, тем более молодых людей спасать при попытках самоубийства, запрещать им эвтаназию, невзирая на их свободу.

Теперь философский довод убеждает меня в допущенной ошибке: в обоих случаях эвтаназия недопустима. Юридическая законность процедуры, шикарность и дороговизна клиники, бет-

ховенская симфония, присутствие родственников — не спасают ситуацию: мог бы Дэвид Гудолл еще жить, мог передумать, мог найти какое-либо увлекательное занятие, мог хоть раз чему-то порадоваться. Значит должен был жить. Принцип антропростасии показывает свою продуктивность, хоть и с неочевидной, постоянно запаздывающей способностью влиять на бытие, что, впрочем, не редкость в философии.

Следует откровенно признать, сделанный вывод является уступкой патернализму и нарушением принципа индивидуальной свободы. Оправдание такой уступки состоит не только в подчеркивании ее исключительности: «Мы, окружающие тебя люди, не покушаемся на твою свободу относительно твоей жизни и твоего тела, но запрещаем только одно — убивать себя».

Более глубокое обоснование патерналистского нарушения принципа свободы заключается в апелляции к той же свободе. «Мы запрещаем каждому убивать себя именно потому, что защищаем жизнь как витальную ценность — все открывающиеся человеку возможности, которые составляют пространство его свободы; при самоубийстве, как и при убийстве, это пространство возможностей вместе со свободой, полученной человеком благодаря жизни, исчезает, что недопустимо».

Есть ли у зародыша отдельная жизнь и права?

Известная проблема с разрешением/запретом аборт имеет в своей основе конфликт между свободой, правом женщины распоряжаться своим телом (за что ратуют «прочойсеры», например, [6]) и жизнью зародыша (которую защищают «пролайферы», такие как [5]). Защищать свободу женщины с нежелательной беременностью или жизнь ее потенциального ребенка? Как правило, стратегия противников абортов состоит в приравнивании эмбриона, зародыша к человеку.

«Будущее обычного зародыша включает в себя целый ряд опытов, проектов, видов деятельности и таких, которые идентичны будущему взрослых людей и маленьких детей. Поэтому довод, достаточный для объяснения неправомерности убийства людей после их рождения, является также доводом, равным образом относящимся и к зародышам. Из этого следует, что аборты являются *prima facie* морально неприемлемыми» [4].

Теолог М. Бек приводит так называемые аргументы SKIP (по первым буквам их немецких обозначений): «1) аргумент от вида (*Speziesargument*) — эмбрион, созданный из человеческих сперматозоида и яйцеклетки, является человеком и как таковой обладает человеческим достоинством; 2) аргумент от непрерывности (*Kontinuitaetsargument*) — от момента зачатия до взрослого человека мы имеем дело с непрерывным процессом развития, непрерывность которого не позволяет проводить морально

Н.С. Розов

Принцип защиты человека (антропростасия)

Если отпадает вопрос о «лишении жизни» плода, то во всей полноте остаются вопросы антропростасии как защиты матери: ее свободы, достоинства и осмысленной жизни. Запрет на аборт нарушает не только ее свободу, но и достоинство, незаконно вторгается в ее жизненные стратегии, личные цели и ценности.

Н.С. Розов
Принцип защиты
человека (антро-
простасия)

«Лишние эмбрионы»: их тоже защищать от родителей?

Ситуация становится отчасти сложнее, но отчасти и проясняется при анализе современных практик искусственного оплодотворения, замораживания спермы, яйцеклеток и уже оплодотворенных гамет, готовых развиваться эмбрионов. Последних хранят, во-первых, для подстраховки, во-вторых, бесплодные семьи при успешном первом опыте могут пожелать тем же способом завести второго ребенка [2]. Оказывается, способы обращения доноров со своими эмбрионами весьма различны. Кроме хранения «на всякий случай» их либо разрешают, даже просят отдавать другим бесплодным парам (поскольку сами натерпелись в ожидании), либо наоборот, требуют уничтожать, чтобы не допустить попадания «своего ребенка» к чужим родителям.

Заметим, только самые редкие «пролайферы» требуют вообще запретить помощь бесплодным парам заводить детей медицинскими средствами. Но данная технология предполагает изначальное получение нескольких эмбрионов, отношение к которым сугубо инструментальное с обеих позиций.

«Видеть в эмбрионе не ребенка, а “только” потенциал развития в него — это способ самозащиты и снижения стресса. В свою очередь, такие общественные силы, как церковь, политики и феминистки, относятся к эмбрионам утилитарно в соответствии со своим мировоззрением. Здесь преобладают крайности: эмбрионы — это либо граждане, от имени которых можно выступать, либо этап на пути к достижению цели, коей для женщины/пары является родительство» [там же, с. 103].

Действительно, если каждый эмбрион в определенных условиях может вырасти в человека, то чем они принципиально отличаются от зародышей в матке женщины? Однако в реальной практике, по умолчанию, все права по действиям с эмбрионами принадлежат заказчикам процедуры — донорам-родителям. С учетом этого, придумывание каких-то мифических «прав» у зародыша в теле желающей сделать аборт матери представляется не более, чем демагогическим приемом: либо уж попытайтесь вообще запретить помощь бесплодным завести детей, либо смиритесь с тем, что в качестве промежуточного звена технологии появляется множество эмбрионов, «права» которых никто не защищает и никогда не будет защищать.

теле, но право человека на жизнь перевешивает Ваше право решать, что происходит в Вашем теле и Вашем организме. Поэтому Вы никогда не сможете отключиться от него» [там же].

Заметим, что похищенный человек не умирает, не заболевает, нарушено «всего лишь» его право и свобода самому распоряжаться своим телом. Зато жизнь гениального музыканта спасена. С позиций «жизни как высшей ценности» и принципа «благоговения перед жизнью» вообще все нормально. «Ну пострадал человек-донор, что его не спросили, но не помер же! А жизнь другого человека спас, да еще какую важную!»

Наша интуиция протестует — так делать недопустимо. И основания интуиции просты: нарушена свободная воля. Оправдания для этого нет. Интуитивный вердикт подтверждается простой модификацией того же случая: потенциальному человеку-донору предложили согласиться на подключение ради спасения жизни или этого музыканта, или кого-то другого, и потенциальный донор согласился. Кто же будет против? Этот поступок мы сочтем правомерным, благородным, высоконравственным.

Мораль этой истории, пусть придуманной и фантастической, проста, но принципиальна: следует отказаться от признания «высшей, абсолютной ценности человеческой жизни», ради сохранения которой будто бы «все дозволено». Есть действия, непозволительные даже ради такой благородной цели, — те, что нарушают минимальные общезначимые ценности, в том числе личную свободу и право решать, что делать со своим телом. Антропростасия, как защита человека, защищает не только жизнь, но также свободу и достоинство, неотъемлемые права.

Когда чья-то смерть неизбежна: принцип наименьшего зла и абсолютный запрет

Самыми тяжелыми случаями являются такие, где сталкиваются противоположные решения конфликта, оба из которых основаны на одной и той же общезначимой ценности жизни с соответствующей нормой «не убий». Эта тема многократно обсуждалась в моральной философии на материале известных мыслительных экспериментов с вагонетками.

Допустимо ли повернуть стрелку несущейся по рельсам смертоносной вагонетки, чтобы убереечь много людей (детей, талантов, родственников, друзей) и направить ее на тот путь, где она непременно убьет мало людей (стариков, бесталанных, чужих, врагов)? Допустим, данная задача решается по принципу «наименьшего зла». Между прочим, печальные аналоги этой выдуманной ситуации есть в реальности. Когда нужно спасти людей от стихийных бедствий (пожаров, наводнений, лавин, заносов

Н.С. Розов

Принцип защиты человека (антропростасия)

СИМВОЛЫ.
ЦЕННОСТИ.
ИДЕАЛЫ

и проч.), а ресурсы ограничены, то силы направляются туда, где больше людей и больше вероятность, что они живы. Да, каждое такое решение обрекает кого-то на смерть, но тяжелое решение принять необходимо, чтобы с наибольшей вероятностью спасти наибольшее число жизней. Здесь работает количественный принцип, хотя никто не любит в этом признаваться.

Вернемся к вагонеткам. Можно ли и нужно ли столкнуть одного толстяка под вагонетку, чтобы уберечь от нее опять же многих других людей?

Наиболее популярным решением является отказ от любой активности: «что-то происходит без меня, я не включаюсь в ложный моральный выбор, вся вина за смерти лежит на тех, кто такую ситуацию устроил» (с намеком, кстати, на изобретателей самого мысленного эксперимента). В качестве снятия с себя моральной ответственности такое решение эффективно, но философский вопрос остается без ответа.

Резонным выглядит отказ от варианта «столкнуть», фактически означающего преднамеренное активное действие — настоящее убийство, пусть и во имя благой цели (спасти несколько других жизней). Никто не вправе осудить ни с моральных, ни с юридических позиций человека, который в такой ситуации отказывается от активности, бездействует.

Ситуация вовсе ухудшается, когда в роли потенциальных жертв указываются самые близкие и дорогие люди, особенно дети и внуки. Ведь обычно говорят, что ради них «готовы на все!» Многие будут спасать близких единственным предоставленным жестоким способом. Кто их осудит за это? Но и в этом крайнем случае будет ли морально оправдано убийство ни в чем не повинного человека?

Следует признать, что принцип антропростасии, хоть уже и показал себя продуктивным, но в таких ситуациях буксует. Любое решение повлечет зло. Никакое решение полностью не оправдано. Да, здесь может быть использован принцип выбора «наименьшего зла», но какая из альтернатив представляет собой «наименьшее зло» — отказаться от спасения близких или отказаться от убийства — дело индивидуального выбора. Здесь не поможет никакая ситуационная этика. Вернее, с ее помощью человек может выбрать приоритет, принять решение, однако при этом никак не устраняется сопутствующее любому выбору зло.

Вместе с тем невозможность вынести общий морально безупречный вердикт не означает бесполезности антропростасии даже в этом случае. Признание неизбежности совершения зла действием или бездействием означает неременное наложение тяжкой ответственности на любого, принявшего то или иное решение. Эта ответственность означает не только открытое признание своей вины, покаяние, но и обязанность посылить компенсировать потерю оставшимся родственникам погибших, в том числе в матери-

альном плане. Если же в результате принятого решения некто отказался столкнуть под вагонетку и тем самым убить толстяка, но при этом погибли близкие самого субъекта выбора, то к ответственности и усилиям по компенсации прибавляются пожизненные моральные страдания за то, что не уберег близких, поскольку отказался нарушить важнейшую и древнейшую заповедь «не убий».

Н.С. Розов
Принцип защиты
человека (антро-
простасия)

Заключение

Как и предполагалось, применение принципа антропростасии не дает простых общих решений в каждом случае, но и не дает соскальзывать к полному анонимизму с пустыми рекомендациями «действовать согласно совести и ситуации».

В некоторых случаях было принято и обосновано общее решение (разрешение абортов), в других случаях проведена граница, в третьем типе случаев была признана правомерность локальных решений, основанных на апробации, опыте, демократических процедурах, наконец, в самых тяжелых случаях, когда любое решение приводит к чьей-то гибели, показано, что общей нормы быть не может, и при любом выборе человек будет нести связанную с ним ответственность.

В анализе всех типов случаев подход заключался в сопоставлении обстоятельств с компонентами концептуального содержания принципа антропростасии: как то или иное решение соотносится с защитой общезначимых ценностей, с императивом заботы об условиях сохранения витальных ценностей, свободы, достоинства и достижения осмысленной жизни.

Антропростасия не является универсальной волшебной палочкой, с помощью которой можно решить все острые и болезненные моральные проблемы и ценностные конфликты. Но она дает угол зрения и базовые концептуальные орудия для поиска наиболее конструктивных, безопасных и гуманных решений.

Литература

1. Апресян Р.Г. Этика. М.: Кнорус, 2017.
2. Кожевникова М. Моя «криошка»: проблема «лишних» эмбрионов в ВРТ // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения. Материалы Всероссийской научной конференции 27–28 октября 2015 года, ИФ РАН (Москва) / отв. ред. М.С. Киселева. М.: Научная мысль, 2015. Т. 3. С. 100–107.
3. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: Философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: НГУ, 1998.
4. Marquis D. Why Abortion is Immoral // The Journal of Philosophy, 1989. Vol. 86, N 4. P. 183–202.
5. Nowotny H., Testa G. Naked Genes Reinventing the Human in the Molecular Age. MIT press, 2010.
6. Thomson J.J. A Defense of Abortion // Philosophy and Public Affairs. 1971. Vol. 1, N 1. P. 47–66. URL: <http://spot.colorado.edu/~heathwoo/Phil160, Fall02/thomson.htm>

